

СМЕНА ПАРАДИГМЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

*"Две вещи наполняют душу
всегда новым и все более
сильным удивлением и бла-
говением, чем чаще и про-
должительнее мы размышляем
о них, - это звездное небо
надо мной и моральный закон
во мне"*

И. Кант

Хрупкая человеческая душа первая захрустела под сапогами строителей коммунизма. И в мире вновь, в который раз, восторжествовал неизуитский принцип: "Цель оправдывает средства". Конечно, он не провозглашался. Но так завораживала и была столь материально-чувствительной эта цель: каждому по потребностям среди льющихся материальных благ - вроде молочных рек с кисельными берегами, что обычно было примером царства изобилия и мечтой всех живущих в русских народных сказках. И это было так понятно.

О достоинствах и недостатках марксовой теории судить не здесь. Она была принципиально новая, потому и рубила принципиально по-крупному, оперируя, в основном, понятием "народных масс", которые творили, творят и будут творить историю... До личности как-то не доходило дело. Ну, а при грандиозной попытке претворения этой теории в жизнь случилось то, что неизбежно происходил при "опускании" идеи в практику - она огрубляется, примитивируется. И работающий человек, которому Маркс, возможно, вполне искренне желал счастья, окончательно схематизировался в "совокупность общественных отношений", а целью его нравственного воспитания объявилось "формирование научного мировоззрения человека коммунистического будущего". Науку о нравственности - этику - сложнейшую из наук, над вечными вопросами которой мучилось человечество со времен его возникновения, вбили в прокрустово ложе, составленное всего из нескольких исходных положений. Они и определили всю логику развития *теории нравственного воспитания* в советском обществе.

Актуализируем их еще раз.

Во-первых, *мораль (нравственность) носит классовый характер и неизбежно связана с политикой*. "Политика" давалась здесь весьма узко, в основном, как "борьба". Вообще, читая литературу о теории и практике нравственного воспитания, с этим словом сталкиваешься не столько часто, будто это не учебник нравственности, а инструкция для военнослужащих. Цитирую: "В соц. обществе моральная деятельность не замыкается узко личной сферой, а совпа-

дает с борьбой за гуманистическое преобразование общественных отношений, за построение коммунизма" [4, с.73]. Мораль носит классовый характер, потому что "моральные устремления в конечном счете отражают материальные интересы" [4, с.105]. Думаю, что Маркс, подписавшись под этим тезисом, не стал бы рекомендовать так грубо-неприкрыто насаждать его в жизнь, побоявшись того господства "охлократии", о котором с такой болью предупреждали нас многие русские мыслители (Мережковский Д. "Грядущий Хам, Н.Бердяев. "Русская идея" и др.).

Далее: во-вторых: мораль исторически конкретна и социально обусловлена. Это опорное положение дает возможность марксистской этике, нигде не отрицая прямо наличия общечеловеческих ценностей в морали, наполнять (или корректировать) их другим, более или менее опять же "бойцовским" содержанием. В Истории нравственности основными категориями считались категории "добра" и "долга". Что мы имеет сейчас?

"В моральных представлениях объективная *общественная* необходимость, исторические потребности *человечества* и *классовые* интересы выражаются в виде идеи о должностном. Система моральных категорий теперь сложна, но подчинена все тому же - железному и соблазнительно-легкому для понимания-вбивания его - историко-материалистическому принципу. Категории делятся на категории моральной деятельности, (которая совпадает с борьбой за построение коммунизма). Здесь на первое место ставятся отношения к обществу в целом. Какие из них в первую очередь будут моральными? 1) трудиться. 2) верность стране. 3) верность делу освобождения трудящихся. Третий вид категорий – это категории *морального сознания*. Они наиболее трудно вписываются в принцип, поэтому подчеркивается: "Моральное сознание не способно изменить или хотя бы объяснить социальную практику того или иного общества в целом [4, с.327] и предостерегается против "морализирования" в тех областях, где это приемлемо. Да, тут уж совсем не пахнет пушкинским"... И милость к павшим призывал".

В-третьих: *нравственность связана с атеизмом*. Иной раз просто поражает та методичность и истовость, с которой марксистско-ленинская мораль противопоставляется религии. Современное однозначно провозглашается их вопиющая несовместимость. Религиозное обоснование морали искажает ее связь с интересами людей, ориентирует их на иллюзии, а атеизм возвращает нравственность человеку, представив как "естественный продукт жизнедеятельности общества и результата совместной деятельности народных масс". Религиозная вера носит преходящий характер и исчезнет с прогрессом общества, в то же время коммунистически нравственные отношения (тесно связанные с атеистическими взглядами и убеждениями) достигнут неведомой прежде прочности и силы – вдохновенно декларируется в одной из книг [4, с.327].

Исходя из этих положений определялась и вся стратегия и тактика нравственного воспитания. Прежде всего объявлялось, что:

1) Нравственное воспитание сращено с идейно-политическим воспитанием. При том настолько близко, что его называют не иначе как "идейно-

нравственным". В учебнике это обосновывается так: "Задачи и функции идейно-политического и нравственного воспитания настолько взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга, что в философии и педагогике в последние годы сформировалась концепция идейно-нравственного воспитания, которое в комплексе рассматривает эти две стороны целостного педагогического процесса" [1, с.153].

2) Оно есть часть коммунистического воспитания, потому что связано с революционной борьбой народных масс и практикой строительства коммунизма.

3) Оно имеет классовый характер. Так же как и мораль, потому что содержание его определяется целями, которые обусловлены характером декларируемых общественных отношений.

4) Нравственное воспитание - внутреннее связано с атеистическим воспитанием. Это два взаимообусловленных процесса.

и, наконец,

5) Нравственное воспитание - это процесс формирования активной жизненной позиции.

Нравственные принципы, так же как и нравственные категории, подверглись более или менее сильной вивисекции и корректировке. И приобрели повое звучание. Принцип коммунистического гуманизма совпадает, оказывается, с целью построения коммунистического общества, как условия для создания подлинно человеческих условий для гуманизма в самом обществе. Это не "абстрактный гуманизм", который "опасен тем, что оправдывает в человеческих поступках любые действия" [1, с.168], а классовый, немислимый вне "борьбы". Принцип *коллективизма* один из основополагающих: "Коммунистическая нравственность исходит из того, что полное осуществление человеческой свободы, гармоническое удовлетворение потребностей и развитие способностей каждого возможны лишь в коллективе" [4, с.281]. Далее следует *патриотизм* и *интернационализм, активность, тревожность, сознательность*. Передо мной "Моральный кодекс" строителя коммунизма". Вот он, заместитель живого Бога на земле. Абсолют-Авторитет, к которому тянутся все нити нравственного воспитания. В нем сформированы нравственные принципы в которых, как известно, нравственные требования выражены наиболее обобщенно. Двенадцать пунктов-тезисов, на темы которых написана масса монографий и сборников по воспитанию. Посмотрим на них: чеканные слова напоминают марширующих солдат, скандирующих: "Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, странам социализма" - 1-й тезис. Видите, как вечные по сути понятия наполнены иным содержанием? "Преданность" - прекрасно - но: делу "Коммунизма", "Любовь - но именно и только к социалистической Родине. Четвертым тезисом проходит "сознание" общественного долга и нетерпимость к нарушителям общественных интересов". Не эта ли нетерпимость нанесла столько вреда, погубила столько душ и в прямом, и в переносном смысле? Воспитывали "нетерпимых".

Коллективизм и гуманизм идут в 5-м и 6-м пунктах. Об этом уже сказано. В 7-м тезисе – "честность и правдивость, нравственная чистота, простота и

скромность в общественной и личной жизни". Стоит только вдуматься. И здесь на первом месте "честность" – прекрасно. Но какая? - опять же нетерпимая, с рекомендуемой "простотой и скромностью" она вполне могла породить то, что было - зависть, анонимки, черствость, грубость. В 9-м тезисе опять "непримиримость" уже к несправедливости, нечестности, тунеядству, карьеризму - какое широкое поле для превращения человека, который талантлив, хочет и может учиться и работать, в марионетку, пляшущую под рукой начальства, какой простор для расцвета бюрократии! Последние три тезиса посвящены принципам патриотизма и интернационализма, и опять звучит "непримиримость", "нетерпимость", "враг" - колючие слова, фразы, жестко определяющие "можно" и "нельзя". В "Моральном кодексе" наиболее часто - пять раз - употреблено понятие "общественный". По два раза - "непримиримость", "нетерпимость", "коммунизм", "забота". Понятия "враг", "коллективизм", "преданность", "труд" фигурируют по одному разу. И ни разу не упоминалось о "добре", о "личности". И даже в тезисе о воспитании детей не нашлось места понятию "любовь".

Если обратиться к Уставу ВЛКСМ (его ведь заставляли заучивать наизусть!), то воспитание "бойцовских качеств" в нем проступает особенно ярко. Подросток обязан прежде всего быть "активным борцом за претворение в жизнь программы коммунистического строительства" (Устав ВЛКСМ). Так же он обязан вести борьбу с буржуазной идеологией и религиозными предрассудками.

При этом хочется отметить любопытную деталь: *самоотверженность* и *альтруизм* не называются в качестве основных принципов нравственного воспитания и не пропагандируются. Это странно лишь на первый взгляд. Дело в том, что объясняется, будто необходимость самоотверженности, как *отречения человека* в пользу общества в целом, отпадает, т.к. она становится потребностью человека. Самоутверждение человека возможно только через это! На словах - самоутверждение, а на деле - полная потеря Человека путем слияния-вливания его в общество. Аналогично и с альтруизмом. Так как в социалистическом обществе личные и общественные интересы едины, они не противостоят, а слиты и... он пропадет - отмирает как ненужный отросток, как атавизм.

В заключение процитируем: "Главные критерии и ориентиры идейно-нравственного воспитания личности: активное, бескорыстное служение идеалам социализма в своей трудовой деятельности, учебе, общественной работе и повседневном поведении, умение отстоять эти идеалы, бороться с отступлениями от них, постоянное стремление обогащать свои идейно-нравственные представления, взгляды, убеждения, привычки, позитивно воздействовать на членов своего коллектива и всех окружающих, укреплять здоровый образ жизни [1, с.157].

Ни слова о человеческой личности. Так воспитывали нас. Так воспитывали мы. Будет ли нам прощение? Сможем ли сами себя простить?

Да, душу человека растоптали и ее нежные осколки даже не поцарапали подошвы уродующих ее сапог, но ведь она жива. Жива и тоскует по чему-то возможному или невозможному, и болит, ибо, по меткому определению одного из

современных мыслителей - "Душа - это то, что болит когда человек физически здоров".

Новая парадигма нравственного воспитания необходима. Это понятно. Нужно потрудиться, и никакие усилия здесь не будут чрезмерными, ибо вопрос сейчас стоит по-гамлетовски: быть или не быть - Человеку - в его изначальной и забытой сложности и мудрости, т.е. человечности.

Трудности предстоят огромные, но прежде чем говорить о них, поговорим, хотя бы вкратце, о тех опорных положениях, на которых может быть построена новая парадигма.

Человеку имманентно и априорно присуще знание (или ощущение) того, что в мире должен быть нравственный порядок. Если только представить себе минуту, что его не существует, и люди несут наказание, их постигают несчастья при абсолютной невинности, то наше человеческое бытие, тут же, на наших глазах (в наших глазах) распадается на кусочки, оно становится бессмысленным, и все действия наши в нем - бессмысленными также. Это невыносимое ощущение, дезориентация в бессмысленном мире.

Человек не может жить с этим ощущением, он уверен (внутренне) в том, что мир нравственно обоснован, а он, человек, ответственен за все, в нем происходящее (это как бы сквозная "червоточина" ответственности, но она скрепляет наш мир). Вспомним почти вечную пьесу Софокла "Царь Эдип". Столетиями мыслители возвращались к ней по разным поводам. Мы возьмем у нее вот что: у Эдипа нет сомнений в том, что он страдает справедливо. Нет! Несмотря на то, что это вина за последствия, которые никак не предполагались, и за поступки, совершая которые он не ведал их истинного смысла. А вот другой пример, тоже вечный - "Книга Иова". Бог наказывает Иова. Совершенно неожиданно и очень сурово. Как ведет себя Иов? Не зная за собой вины, он впадает вначале в смирение, потом - в отчаяние, потом - в серость. Бог испытывает его совершеннейшим абсурдом ситуации, кажется, еще немного, и все будет потеряно для Иова, и он помешается или умрет от этого абсурда. И тут приходит спасение - в чем! - Иов обретает потерянный смысл мира и собственной жизни: он признает свою вину, неведомую ему самому, но известную Богу (и Бога это, кстати, вполне удовлетворяет. Здесь также есть над чем поразмыслить). Вот как сильно это не доказуемое для человека чувство и как оно жизненно важно для него. Если обратиться к современности, вспомним глубокое исследование поведения узников немецких концлагерей. В лагерях была определенная категория заключенных, которых окрестили "мусульманами". Это были люди, усвоившие от СС мысль о том, что они отсюда никогда не выйдут и никак не могут повлиять на положение (т.е. потеря смысла). Они превращались в "ходячие трупы" и действительно скоро умирали, одинаково проходя ряд определенных стадий: вначале они переставали действовать по своей воле, затем начинали подчиняться приказам слепо и автоматически (без оценки, реакции). Потом у них появлялась характерная шаркающая походка, и они переставали смотреть вокруг - "двигаясь глазами", затем наступала смерть [2]. Ну, а мы сами разве не чувствуем своей вины за выстрелы, раздающиеся где-то не

совсем рядом, а может даже и совсем не рядом с нами? За смерть близких? За искалеченные судьбы? Сквозная ответственность за все, совершенное в мире - это цементирующее свойство человеческой души, не дающее распасться ни ей, ни миру. Это то, без чего мы не можем жить.

Мы и не жили без нее. Но эта имманентность была изуродована, т.к. большая часть мировой истории не существовала в смысле сопричастности ей нам. Мы строили "новый мир" и все, что "у них" и "до нас" не имело к нему отношения. Оно критиковалась и отсекалось. Это обеспечило легкость создания новой теории нравственного воспитания, а на деле привело к уродливым проявлениям нравственных чувств, распространяющихся только на тех, кто "наш", а сами они (чувства) по этим же причинам были неглубоки и часто демагогически - тенденциозны.

Другая остановка, которую мы зафиксируем, это положение, что человек живет в обществе и от него никогда не свободен. Тезис не нов, но он требует несколько иного взгляда, может даже просто смены акцентов. Конечно, мы не свободны от общества, на жизнь в котором "обречены". Попытки противостоять ему обычно кончаются в лучшем случае поглощением искусственно созданных конструкций этим самым "миром". (Здесь можно вспомнить прекрасную, чистую, игрушечно-прозрачную Касталию, созданную на основе современных принципов в романе Г. Гессе "Игра в бисер" и неизбежный ее конец). Но цепкая "активная жизненная позиция", формируемая в течение советского периода, упирая на "активность", как-то забывает об обществе, о нашем человеческом мире, и получается на деле Базаров, лихо препарирующий лягушек и также лихо причиняющий боль своими суждениями и поступками. В том случае, когда он вообще обращает на них внимание.

Принцип "активности" в коммунистической морали и, соответственно, в теории нравственного воспитания формализован и парализован: "Человек человеку - друг, товарищ и брат". Для того, чтобы это понять, нужно хотя бы остановиться и посмотреть на другого. Но он (принцип), бездумно насаждаемый, превращал нас на деле в героев песни В. Высоцкого.

*"... Солдат всегда здоров,
Солдат на все готов..."*

"Человек, - сказал Ортега-и-Гассет, - есть всегда приход откуда-то и путь куда-то". В кризисные эпохи эта двойственность оборачивается существенным конфликтом, ибо то, откуда он приходит и то, куда он направляется, суть совершенные противоположности. Конфликтная эпоха у нас сейчас. И мы вынуждены с этим считаться. А общество - это прежде всего социальное окружение. Если материальное окружение - условия, в которых мы живем, в основном вынуждены принимать, то люди, которые нас окружают, неизбежно формируют нас. Равно как и мы формируем их. Он определяет через себя Другого, создает с Его помощью и совершенствуется в течение всей жизни. Человек не может существовать без Другого. И заглавная буква, которая здесь ставится, - это дань той архи - Любви, на которой должны вначале осознаваться, а затем строиться

их (наши) отношения. Это еще одно положение. Предельно широко здесь это понятие Любви. Прекрасно сказал об этом В. Соловьев:

*"Смерть и Время царят на земле.
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неизменно лишь солнце Любви."*

Именно Любовь, и такая любовь, должна составлять основу взаимоотношений между людьми. Подчеркнуть это необходимо, поскольку формирующая роль Другого и его неизбежность для "Я" имеют и обратную сторону. Лучше Ж.-П.Сартра не скажешь: "Ад - это Другие". Эта позиция имеет вполне обоснованное право на существование, потому что Другой - это мое лицо, которое в нем отражается. Он показывает мне мою вину, меня самого, как результат всех моих усилий и жизненных коллизий. Это моя совесть, зеркало моей души. "Снять" эту установку можно лишь при указанном выше отношении к Другому на основе Любви. Тут незаменим опыт христианства, ибо именно о такой Любви твердит оно на протяжении двух тысячелетий. Любви не психологической, определяемой им как "чекотку души", а Любви, носящей онтологический, реально - бытийственный характер. С помощью ее преодолевается это изначальное отчуждение "Я" и "Другого", это активная любовь к уже данному мне, она радостна и имеет творческий характер. Эта Любовь во всем подобна божественной Любви, которой был создан этот мир. Любовь в христианском смысле оставляет без внимания эгоизм, тщеславие, национальные и родовые привычки. Она их все объедает, потому что имеет совсем другой масштаб и утверждает ценность личности - Лица прежде всего Другого и только потом - неизбежно - и "Я". Об этом можно говорить бесконечно.

Но на память тут же, услужливо, приходит один из "бессмертных тезисов": "... Любовь к социалистической Родине" [3]. Не потому ли так легко меняют - продают - предают молодые сейчас Родину? Ведь она уже не социалистическая, разве и теперь ее нужно любить? Это во-первых. А во-вторых, разве можно любить Родину, не полюбив прежде людей. Ведь это два встречных процесса. Такой Любви нас не учили. В лучшем случае ее оставляли где-то на задворках, стыдливо именуемых "личной жизнью", и все опять прикрывалось делом "строительства коммунизма".

Но смена парадигмы будет невозможна, если человек не сменит взгляд на самого себя. В разные времена человека определяли по-разному. Ведь давать определения - существенная черта человеческого характера, и противиться этой страсти он не в силах. Во времена древнегреческой цивилизации Аристотель сказал, что человек - это "двуногое существо без перьев". В Новое Время Декарт определил его, как "человек-машина". Нас долго учили тому, что человек - это "совокупность общественных отношений". Я вовсе не оспариваю этот тезис. Только хочу сказать, что не он должен играть главенствующую роль при становлении человеческой личности в процессе нравственного воспитания.

При первом взгляде от него веет холодом безличности - безличности (этакое обволакивающее Нечто), потому что никуда не ведет.

Человек - это Образ и подобие Божие. Да, он - "храм Божий на земле". Подобная установка кардинально меняет взгляд на себя и ощущение себя. Хотя, прямо скажем, не делает проблему осуществления жизни менее трудной. Воинствующий атеизм, ставший официальным лозунгом, заставил нас позабыть об этом определении и может напугать сейчас. Но люди ищут выхода, и когда объявляется, что мы - лишь подопытные муравьи сверхразумной цивилизации, тотально запрограммированные и находящиеся под вездесущим равнодушным оком - разве не веет от этого просто Космическим Ужасом? И разве эта или подобные ей концепции могут способствовать нашему нравственному совершенствованию? Человек - это образ Божий. Значит - он изначально и неизбежно обладает разумом, мудростью, свободой воли. Он достоин всяческого уважения и любви. Человек - это и подобие Божие. В этой части определения заключается творческий потенциал человека. Это то, что им приобретается, что должно приобретаться, ибо без этого человеческое существование будет низменным, недостойным его. Это - его нравственные достоинства. В приобретении их заключается смысл человеческого самосуществования. Этот взгляд сразу наполняет гордостью за столь высокое положение и ответственностью за него. Но также болью, и стыдом, и виной за столь мало достойное уважения нынешнее состояние. Чувства, сложно переплетаясь, создают и фон, и предчувствие конечного результата: актуального создания себя как Образа и подобия Божьего. Констатация сложности структуры мира человеческой души необходима. Она и неизбежна, если иметь ввиду все вышесказанное. Безмерную эту сложность нужно взять как факт и с ней считаться. Особенно здесь хочется подчеркнуть наличие равнодоказуемых, но взаимоисключаемых - антиномичных - состояний, которые появляются у человека в критические периоды его жизни, когда присутствует момент выбора, когда решается его судьба.

За почти восемьдесят лет опыта строительства коммунизма выросло три поколения людей, которым внушали, что религия - это "детство человечества" (Ленин) и "опиум для народа (он же), почти автоматически отсюда следовало, что научные знания и вера исключают друг друга (в основном - путем вытеснения. Благо у человека много ответов: знания заходят с одной стороны, вера вылезает с другой). Огромное количество имеющихся фактов обратного в лучшем случае игнорировалось, в худшем - объяснялось опять же отсталостью существующих в то время общественных отношений. Библейский Моисей, выводя свой народ из плена, водил их по пустыне 40 лет - столько, чтобы родилось и выросло поколение свободных людей. И только с ними он вернулся на родину. Сколько же лет понадобится нам, чтобы вновь обрести родину своей души?

Вера и знание вовсе не исключают друг друга. В альтернативу этому положению тут же вспоминается школьный пример: в дореволюционной России в гимназиях наряду с преподаванием естественных дисциплин давали Закон Божий, что, якобы, вносило путаницу в голове детей, а при попытках разобраться

они же получали удары линейкой. Пример не убедителен, потому что он примитивизирует сущность проблемы.

Вера здесь имется ввиду как синоним христианства, как религиозное познание Бога и мира. В этом религиозном познании задействована определенная структура человека. Здесь человек действует прежде всего как личность - персона, которую никто не может заменить принципиально. Это познание глубоко индивидуально (впоследствии оно может быть рационализировано, что и происходит). В науке, научном познании человек действует, в основном, как чистая интеллигибельность. Здесь он очень активен, но эта активность познающего субъекта не носит личностного характера. В научном познании определяющую роль играет совсем другая структура человека, и понятия, определяющие религиозные позиции (любовь, совесть и др.) отодвигаются на второй план.

В обоих случаях целью становится познание скрытой Гармонии мира. Но разными способами. И если религия и наука не находят точек "мирного сосуществования", то страдает от этого, в первую очередь целостность человеческой личности. Начинаются мечтания, поиски, замены, фаустовское

*"... В глубоком знанье жизни нет –
Я проклял знаний ложный свет"*

Или обнаруживается другая сторона проблемы познания, определенная Екклесиастом как: "... кто умножает познание, тот умножает скорбь".

С советскими людьми поступили проще и ужаснее - начисто отняли религию, объявили несовместимость с наукой. В общем отсекали. А рана осталась кровоточить. Но ведь религия и наука, имея общую цель познания, но разные формы установления отношений с нею, могут иметь спокойные отношения между собой именно в силу целостности человеческой личности. И тот нравственный порядок в мире, в котором имплицитно так уверен человек, разве не помогает и в научном познании, и в религиозном? И скрытая Гармония мира, которую познает наука, легче открывается в ответ на уверенность его в этом идеально-нравственно-разумном порядке.

Зафиксируем еще одно положение: нравственность и культура взаимообусловлены. Нравственность неотделима от культуры общества на данном этапе его развития. Можно сказать, что нравственность - это явленность культуры, ее "жест". В то же время она и сама порождает культуру. Замечательно сказал Б.Пастернак:

*"... И сады, и пруды, и ограды -
Все, кипящее белыми
воплями мироздание -
Лишь страсти разряды
Человеческим сердцем
накопленной".*

Этот тезис может быть детально проработан только на базе большого фактического материала. Сложность в установлении - уловлении диалектики между конкретно-историческими формами проявления нравственности и общече-

ловеческим содержанием, которым насыщены ее категории и которое проходит "красной нитью" через многие (не все) исторические формы человеческих цивилизаций. Нравственность и культура не вырастают друг без друга. Они повернуты лицом друг к другу и, глядясь, взаимоотражаются. Они постоянно актуализированы.

Эпиграфом для статьи выбраны слова великого моралиста Канта:

"... и моральный закон внутри меня"

Это не случайно, потому что новая парадигма должна учитывать специфику нравственности, заключающуюся в том, что мораль нам не внеположена. Потому нравственные убеждения, на формирование которых было направлено нравственное воспитание, не являются признаками нравственности. Целью и результатом нравственного воспитания должно стать формирование нравственной установки сознания. Они разнятся, как верх и низ. Зерна могут сколько угодно падать сверху, но если они не будут попадать на благодатную почву, то не прорастут и не дадут плода. Нравственные убеждения заданы извне, в виде Закона, свода правил. Они как Бог язычников, как Ветхозаветный судья, которому нужно подчиняться безоговорочно. Они не обязательны для осмысления, и процесс нравственного воспитания сводится здесь не к их формированию, а к формированию их приятия человеком для того, чтобы он впоследствии руководствовался ими в жизни.

Нравственная установка сознания (социальная, не психофизиологическая) не может быть задана извне. Она порождена общечеловеческими ценностями. Она исходит из глубины человеческой личности, это ее сущность.

Нравственная установка вырастает медленно, как цветок, а расцветает лишь "после бури", под который здесь подразумевается сильнейший ветреный процесс принятия человеком в себя общечеловеческих ценностей. Она не может быть сформирована без осмысления содержания, процесс ее формирования обречен на активность, ибо она не задана извне. Исходя из сказанного, понятно, что нравственная установка сознания неотделима от развития человеческой личности. Она - и исход, и результат этого развития. Поэтому она включает в себя и нравственные убеждения в снятом виде, но сама неизмеримо глубже и шире их. Результат формирования нравственной установки будет индивидуальным в каждом конкретном случае. Разумеется, в рамках, установленных самой парадигмой нравственного воспитания. Можно сказать, что благодаря перечисленным характерным признакам нравственная установка дает простор и базу для развития и саморазвития человека в течение всей его жизни, наиболее соответствует сущности человеческой личности. Это - его "Мать", родина его души, земля, на которой она будет и должна бережно взращиваться. Труд этот долгий и тяжелый. Трудности объективные, о них разговор должен стоять особый. Он так важен потому, что с этими трудностями, в основном, не нужно будет "бороться" как мы привыкли. Их нужно будет знать и быть готовым к их неизбежности. А для этого потребуются огромные затраты сил прежде всего

педагога. Но разве найдется другое занятие более важное для нашего "сейчас", для нашего "потом"?

Литература

1. Бабанский Ю.К. Педагогика. - М.: Просвещение, 1988.
2. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце / Человек. – 1992. - № 2, 3.
3. Моральный кодекс строителя коммунизма. Программа КПСС. - М.: Политиздат, 1961.
4. Словарь по этике. - М.: Политиздат, 1983.

Е. В. Кондратенко,
ст. преподаватель,
Нижнетагильский
госпедуниверситет,
г. Нижний Тагил

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРА

Споры о духовности, ее отсутствии в современном обществе, о путях ее воспитания – одна из примет нашего времени. Понятие “духовность” восходит к слову “дух”. При сотворении человека Господь “вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою” (Быт. , 2, 7). Нет духовности вне религии.

Современное общество в поисках духовности зачастую обращается к культурным ценностям. В основании той или иной культуры лежит определенная система ценностей, определяемая религией. Гуманистическая культура также в основание ставит принцип обожения человека. Гуманистическое понимание соотношения культуры и религии сводится к тому, что “не верить в Бога некультурно”. Современная ситуация в нашей стране позволяет сделать еще более печальный вывод: для очень многих людей понятие религии и культуры существуют раздельно, религия вынесена за пределы культуры.

Длительное господство атеизма разрушало не только религию, но и культурные ценности. Главным в православной культуре, видимо, следует считать понятие святости, т. е. “сверхценности”, вокруг которой образуется культура. Понятие святости включает в себя нерукотворные святости (мощи святых) и созданные человеком (иконы).

В нашем обществе на первом месте стоят сейчас ценности культуры, а не святости. Слова “святость”, “святость”, “священный” почти исчезли из современного языка. Культура ставится превыше всего. Предметы культуры становятся предметами поклонения, почитания, идолами современного общества. Огромное количество людей вообще не воспринимают понятие святости. Это означает лишь то, что они находятся вне подлинной культуры.

Принцип всеобщего равенства культур приводит к потере критериев в понимании самой культуры. Нет равенства религий перед культурой и историей